
Мария ВОРОШИЛОВА

СОНЕЧКА

Рассказ

«Если долго не получается решить задачу, попробуй все зачеркнуть и начать сначала».

У грязного зеркала в школьном туалете я потерянно смотрю на свое отражение. Пару часов назад завуч якобы случайно вылила мне на блузку чашку горячего кофе. Раньше я бы ответила на это, устроила бы скандал, написала бы какую-нибудь жалобу... Теперь понимаю, что меня все равно никто не услышит.

Добродушная учительница английского, тоже еще молодая, отдала мне свой пиджак, чтобы я смогла доработать до конца дня без нового повода для насмешек. Пиджак на мне сидит плохо, в плечах он мне слишком широк, и это бросается в глаза. Но лучше так, чем с пятном во всю грудь. А блузку, наверное, придется выбросить.

Утром я вплела в волосы белую ленту. Этому меня научила мама, лет десять назад, когда я сама еще была школьницей. Волосы за день растрепались и спутались, лента ослабла, и прическа теперь выглядит неряшливо. Дрожащими руками я расплетаю косу и сую смятую ленту в карман пиджака.

Заявление об уходе директриса приняла с надменной улыбкой. По закону мне полагается отработать еще две недели, но сегодня — последний учебный день, все оценки я выставила, девярых и одиннадцатых классов у меня нет. В общем, подержали меня год в этой школе, потравили и отпустили с Богом.

Уроки давно закончились, коридоры стихли и опустели. Каждый мой шаг эхом разносится по этажу. Я в последний раз заглядываю в свой кабинет русского языка и литературы, в последний раз выключаю компьютер, в последний раз беру свою сумку, выхожу и закрываю дверь. Замок немного заедает, и на то, чтобы повернуть ключ, уходит, как и всегда, пара минут и несколько мысленных ругательств.

Без сожалений я медленно спускаюсь по лестнице. Хочется выйти украдкой, тихо, без лишних прощаний и колкостей: отвечать на них все равно больше нет сил. Из мо-

Мария Ворошилова родилась в 2002 году в г. Томске, живет в Санкт-Петербурге. В 2023 году окончила бакалавриат филологического факультета СПбГУ по направлению «Отечественная филология». Работает преподавателем русского языка и литературы. Участвовала в студенческих поэтических вечерах, публиковалась в журнале филологического факультета «Филин». Опубликовала несколько сетевых сборников стихотворений. С 2022 года является постоянной участницей разных петербургских литературных вечеров, неоднократно выступала с чтением очерков, рассказов и стихотворений собственного сочинения.

его крыла можно спуститься прямо на первый этаж, к гардеробу, и это хорошо. Иначе пришлось бы идти к главной лестнице, мимо учительской, где змеиный клубок школьных старожил наверняка еще перемывает кости детям и молодым учителям. Вниз, вниз, как можно скорее вниз.

По дороге к выходу никто мне не встречается. За последним поворотом кроется гардероб. Уборщица, обычно грубая, со злым и резким взглядом, мирно спит в своем старом кресле. Охранников на месте нет. Я выхожу из школы незамеченной.

На улице — конец мая, ласковое вечернее солнце и набережная. Я прохожу мимо Адмиралтейства и сворачиваю на Дворцовый проезд. Дальше — Невский, или Гороховая, или Вознесенский. Обычно не думаешь о названиях, особенно когда хорошо знаешь район. Сейчас — думаю. В именах улиц, проспектов и зданий я уверена гораздо больше, чем в своем собственном.

В этой школе год работала неудачница София Николаевна. Сегодня ее добились горьким горячим кофе, и теперь она медленно холодеет на майском солнце. «Дома», на «Международной», со своим неудавшимся женихом Сашей, три года жила Соник: веселая, смешная и всепрощающая. Несколько дней назад Саша ушел, а Соник, видимо, ушла с ним. Остались только убитое и грязное «прости», полное больной памяти пустое пространство и перспектива скорого выселения за неуплату.

Еще была Сонечка, маленькая рассказчица, любимая дочь. Девятнадцать лет она жила на «Площади Мужества», еще два с половиной года появлялась там периодически. Ее не стало полгода назад, во время прощания на Северном кладбище. Сначала она стояла молча, растерянно смотрела на цветы и плачущие лица. Ей казалось, что она — ребенок, который забрел не туда и пытается в толпе чужих рук нащупать мамину. Поняла все резко, закричала сразу же, всех растолкала и бросилась в гроб. Так ее там, наверное, и закрыли, и лежит она теперь в земле вместе с матерью, и у обеих в волосы вплетены тонкие белые ленты.

Перехожу дорогу, и голова кружится от толпы. Ловлю на ходу случайные обрывки фраз:

«Давай сейчас в „Вольчека“ зайдем, а потом домой? Если еще что-то вспомним...»

«А ты не видел? Блин, дома тебе скину, там такой класс вчера был на стриме...»

«Не, я завтра не смогу, буду весь день дома сидеть, экзамен уже в...»

По Невскому проплывают сине-белые троллейбусы, лазурные автобусы, дорогие черные автомобили. За витринами кафе и ресторанов сидят нарядные девушки и молодые люди, тратят деньги и обсуждают, наверное, планы на будущее. Я же по инерции иду к Малой Морской, сворачиваю на Кирпичный переулок и привычно ныряю в вестибюль «Адмиралтейской».

Сразу за дверью меня встречает высокий худой мужчина в черной форме. Произносит сухое «Сумочку покажите» и запускает грязные, неестественно тощие пальцы в мои вещи. Лицо его, серое и уставшее, выражает скуку, пальцы не находят ничего подозрительного, и коротким кивком он пропускает меня внутрь.

Роза ветров нависает тяжелым грозовым облаком. Я целый год смотрела на нее каждый день, и каждый день она меня необъяснимо пугала своей остроконечной определенностью. Я прикладываю карту, и система впускает меня в подземный мир самой глубокой станции.

Длинная гусеница эскалатора тащит меня вниз, мимо угрюмых лиц и тусклых фонарей. Возле будки дежурного я слышу, что поезда на обеих платформах прямо сейчас расходятся в разные стороны. Теперь у меня есть время на выбор, но я все равно автоматически сворачиваю вслед за табличкой с надписью «Шушары». В голове — пусто. Ноги сами ведут меня к краю платформы.

Несколько минут я всматриваюсь в темноту тоннеля, замечаю далекий свет, наблюдаю его приближение. Чем короче расстояние между мной и поездом, тем сильнее во мне иррациональное желание броситься на рельсы. И вот он уже подъезжает, яркий свет фонарей бьет мне по глазам, грохот колес заполняет собой все пространство, и я сейчас шагну, быстро, резко, одним рывком. У кого не бывает таких мыслей?

Но поезд подъезжает, мимо меня проносятся машинист и другие мелькающие лица. Прямо передо мной открываются двери, и вот трясущийся вагон уже везет меня куда-то на юг. Со всех сторон я зажата другими пассажирами, сбоку неестественным светом мигает фонарь, и в сильной качке я беспомощно ишу рукой поручень. Душно. Кто-то рядом кашляет и плачет.

Многие выходят на «Садовой». Это — станция-посредник, главный переходный узел, смежная со «Спасской» и «Сенной». Здесь фиолетовая ветка — самая молодая, «пятая», — соприкасается с другими, более старыми и мудрыми, и оказывается для города очень важной.

Двери закрываются, и первый толчок заставляет меня пошатнуться и сделать шаг в сторону. У меня перед глазами оказывается реклама каких-то новостроек. На ней счастливая молодая пара с широкими улыбками позирует на фоне красивого здания, зеленого газона и детской площадки.

О Сашиных изменах я узнала здесь, на перегоне между «Садовой» и «Звенигородской», месяца два назад. Тяжелый тогда был день: шестой класс завалил контрольную, в седьмом кто-то подрался, а в учительской недосчитались одной чайной ложки. Во всем этом почему-то оказалась виновата я. Ехала домой грустная, злая, и на глаза попалась точно такая же реклама. Где-то минуту я тупо на нее смотрела. Отвлекла меня вибрация телефона в кармане. Это было сообщение от Сашиной любовницы, в которой проснулась женская солидарность. На подъезде к «Звенигородской» передо мной стояла трудная задача о том, ехать ли дальше.

Поезд снова резко тормозит, и вместе с потоком людей меня выбрасывает на платформу, а вереница вагонов с грохотом уносится в темноту. Моя привычная «Международная» — через четыре станции. Я могу опомниться, дожидаться следующего поезда и покорно сесть в вагон. В тот день я выбрала именно этот следующий поезд, приехала «домой», поцеловала Сашу и, наверное, еще долго могла бы делать вид, что ничего не знаю. Теперь обманывать некого.

«Че встала?!» — неряшливый мужчина задевает меня тяжелым плечом и почти что сбивает с ног. Он, в общем-то, прав. Новый поезд подъезжает к станции, выпускает новых пассажиров, и я безвольно сливаюсь с толпой в дороге к переходу на «Пушкинскую». Десятки обезличенно красивых женщин и отрешенно уверенных мужчин молча идут рядом. На лестнице и в извилистом коридоре слышатся только наши глухие шаги. Чужие друг другу, занятые каждый своим, мы вместе совершаем переход с «пятой», фиолетовой ветки на «первую», красную.

В конце станции одиноко стоит Александр Сергеевич. Несколько лет назад я часто ездила сюда на поэтические вечера. Проходила каждый раз мимо него, кивала слегка и внутренне сама над собой смеялась. А ведь хотелось бы, чтобы сам Пушкин меня благословил.

С одной стороны от него отъезжает новенький «Балтиец», с другой — ждет кого-то старый синий поезд. Голова кружится, мысли путаются, и смутная память толкает меня к нему. Прямо за мной, в сантиметре от моей сумки, с шумом захлопываются двери, и вагон неспешно начинает движение. Теперь — только вперед, на север, подальше от «Международной». Я еду домой.

Вагон переполнен, и я пытаюсь принять относительно устойчивое положение. Рядом со мной девочка-подросток, несмотря на толпу и качку, читает бумажную книгу. Мой взгляд задерживается на открытой странице, и я понимаю, что это — «Бегущая по волнам» Александра Грина. Я писала диплом об этом романе, и в случайно увиденных строчках я читаю именно те слова, которые лучше всего из него помню: «Вам, знаки и фигуры, вбежавшие с значением неизвестным и все же развеселившие меня серьезным одиноким весельем, вружаю я ржавчину своего Несбывшегося. Озарите и сотрите ее!» Мое Несбывшееся было вверено станции метро «Владимирская».

Пять лет назад я поступила на филфак. Родственники спрашивали: «Будешь потом учителем?», а я отвечала: «Нет, буду писать». Потом я писать почти перестала. Сначала стало меньше стихов, потом — прозы, потом — желания пробовать снова. Все мои письма в издательства и заявки на конкурсы прошли незамеченными и потонули в других таких же письмах и заявках. Я повзрослела. Слова перестали складываться в тексты, языковое чутье сломалось, и я уже готова была ответить: «Да, буду учителем».

Год назад я окончила университет и бегала по собеседованиям — искала «серьезную», солидную работу. Школе на «Адмиралтейской» я понравилась, и оставалось только еще раз приехать туда и подписать какие-то документы. Тогда мне совершенно внезапно пришло письмо от издательства — ответ на мою наивную просьбу трехлетней давности. Мои тексты понравились, и меня приглашали в офис на «Владимирской» — познакомиться и обсудить возможность продвижения.

Я подъезжаю к «Владимирской», и в памяти четко рисуются кадры того утра, когда я так и не ответила на это письмо. Подумала: зачем? Мне ведь предлагают хорошую работу. Кому нужна моя старая бездарная писанина?

Девочку с Грином выталкивают на платформу, она спотыкается, ее толкают еще раз, и она падает. Я выпрыгиваю из вагона и помогаю ей подняться. Книгу она уронила, и на белой странице уже появился отпечаток чьей-то огромной ноги. Я поднимаю роман, смахиваю с него пыль и протягиваю хозяйке. Девочка дрожащими губами говорит «Спасибо», хватает книгу и убегает в сторону перехода. Я же успеваю шагнуть обратно в свой вагон.

Между закрытием дверей и началом движения всегда есть особенно тихий момент, когда все обсуждения становятся неуместно громкими. У себя за спиной я слышу резкий неприятный голос: «Да че ты ссышь, на трубах всегда круто было, выпьем, покурим...» Поезд трогается, и продолжение разговора мне уже не расслышать. В тоннеле я вижу отражение говорившего и его собеседницы: высокий бледный парень, совсем молодой, и ярко накрашенная девушка, его ровесница. Она смеется, видимо убеждая его в том, что ничего не боится. С ними рядом стоят еще двое ребят, все яркие, в оборванной одежде и цепях. Знакомая картина. Следующая станция — «Площадь Восстания».

Я познакомилась с Сашей на тех самых «трубах», где мы выпивали и курили. Рядом — «Ионотека» — первый клуб многих питерских подростков; «Этажи» — садник страстей; вытяжка — место встречи маргинальных компаний. Там же множество баров, недалеко — Рубинштейна, на каждом шагу — магазины, где продают без паспорта. Сначала я приходила туда с друзьями-писателями веселья ради, потом — одна, в надежде написать что-то новое, потом — снова, потому что писать больше не получалось. В незнакомых собутыльниках, нетрезвости и риске виделось волшебное средство избавления от тоски.

На станции вагон пустеет. Я оборачиваюсь, и сомнительной компании за моей спиной уже нет. Какая-то часть меня хочет выйти, догнать этих юных чертят и напиток-

ся вместе с ними. Я даже делаю движение в сторону, будто действительно собираюсь выйти, но динамики уже объявляют: «Следующая станция — „Площадь Ленина“», и поезд набирает скорость.

Давно ли закрыта «Чернышевская»? Почти два года назад, в сентябре, я больше часа ходила по ее черно-белым плитам и пыталась выжать из себя хоть одну строчку. Я училась на четвертом курсе филфака, уже думала о дипломе и была образцовой студенткой. Литературный дискурс в голове сменился научным, и я не могла вспомнить, когда в последний раз занималась творчеством. Спускаясь в глубь «Чернышевской», я почувствовала смутное, давно забытое желание что-то написать. Летящие вверх-вниз эскалаторы, полукруглые своды потолка, шум поездов и красная нить «первой» ветки испытывали меня, проникали под кожу, складывались в ощущение, но не складывались в слова. Это было моей последней попыткой.

Поезд замедляет ход, неспешно преодолевает полумрак пустой «Чернышевской» и снова погружается в темноту тоннеля на пути к «Площади Ленина».

Финляндский вокзал помнится местом сбора перед школьными поездками, местом прощаний и чувства вины. Когда мне было лет четырнадцать, мы с друзьями ездили в Зеленогорск. Мама разрешила мне поехать только после обещания быть осторожной, внимательной и благоразумной. В Зеленогорске выяснилось, что один парень утащил из отцовского шкафа бутылку водки. Мы выпили и полезли купаться, а на обратном пути кто-то предложил перебежать через рельсы, чтобы не платить за проезд. Мы перебежали. На «Площадь Ленина» я спускалась, пытаясь не заплакать от стыда. Сейчас тоже приходится проглотить комок в горле.

В последний раз я была дальше этой станции в ноябре, в день маминых похорон. Саша ездил со мной. Мы вышли на «Выборгской», дошли до дома маминого брата, сели в его машину и поехали вместе на кладбище. По дороге мне хотелось думать о маме, о том, какой она была ласковой, сильной, мудрой. Но почему-то вместо этого я думала о том, что лента в волосах сбилась шапкой, Саша тайно хочет поскорее уехать домой, а дядя Сережа плохо следит за дорогой. Я была ужасной дочерью: пьяницей, лгуньей и неудачницей — и теперь не могла даже подумать хоть что-то уместное. А мама почему-то все равно мной гордилась.

Эти мысли преследуют меня постоянно, гонятся за мной, во всех дорогах и в каждом дне творческого молчания. Я хочу попросить прощения, сделать хоть что-то правильное и снова стать любимой Сонечкой. «Выборгская» остается позади, и мне почему-то кажется, что у меня может получиться.

Это было в июне. Не помню, какого года, но мне было, наверное, лет семь. У мамы начался долгожданный отпуск, погода была хорошая, и мы с ней собрались в Петергоф, смотреть на фонтаны. На эскалаторе мама крепко держала меня за руку, в вагоне приобнимала за плечо, и весь путь до «Балтийской» она с улыбкой слушала мой восторженный лепет предвкушения. Я спрашивала о фонтанах, об электричках, о том, будем ли мы есть мороженое. Мне казалось, что эта поездка должна стать самым важным приключением в моей жизни, и я всю дорогу повторяла, что потом обязательно напишу о ней рассказ.

На Балтийском вокзале мы узнали, что все электрички в сторону Петергофа отменены, потому что кто-то упал на рельсы. Мама побледнела, крепче сжала мою руку, и мы пошли обратно к метро. Второй раз за день пересекая город на подземном змее, я грустно смотрела по сторонам, а мама — на меня. «Ты сильно расстроилась?» — спросила она, когда мы уже подъезжали к «Лесной». Я расстроилась сильно, но все равно отрицательно покачала головой. А потом подумала еще немного и серьезно сказала: «Ничего, мама, зато мы на метро покатались».

Помню, как она рассмеялась, обняла меня и ответила: «Это точно, Сонечка. Об этом потом и напишешь рассказ».

Станция «Площадь Мужества» долго меня ждала. Я выхожу на платформу и уверенно иду к выходу. В спину мне смотрит большая звезда, и мне по-детски жаль дежурного, который целый день сидит в будке и не может на нее оглянуться. На эскалаторе я достаю из сумки ключи от дома и кладу их в карман. Они всегда были у меня с собой, но сейчас я впервые после смерти мамы ими воспользуюсь. Из другого кармана достаю смятую ленточку и телефон.

В уведомлениях от «Яндекс Почты» висит новое письмо от того же издательства. Я открываю его, киваю самой себе и отвечаю, кроме всяких формальностей: «Спасибо большое, я приеду завтра».

Затем открываю «Заметки» и листаю их до вкладки с заголовком «Мама». Я стараюсь фиксировать все ее хорошие фразы, которые мне вспоминаются. Мне хочется записать фразу про рассказ, но на глаза попадает предыдущая запись. Я копирую ее в другую заметку и пишу первые строки этого текста.